

и богатое населеніе Бичиханъ-гуна снизошло до шестидесяти небогатыхъ юртъ, да и то на половину принадлежащихъ дунганамъ. Последніе пришли сюда изъ Восточнаго Туркестана, въ числѣ двадцати семействъ одновременно съ монголами-олѣтами, покинувшими Илійскій край, добровольно подчинились Бичиханъ-гуну и обзавелись подобно монголамъ юртами; одѣвались дунгане, какъ и продолжаютъ одѣваться теперь, также по монгольски, усвоивъ себѣ въ тоже время и монгольскій языкъ; вѣру же удержали магометанскую, какъ равно и обычай жениться или выдавать замужъ, ограничиваясь кругомъ своихъ собратьевъ.

Самые отдаленные на сѣверѣ тангуты того же Сининскаго округа, кочуютъ въ верховьи Тэтунг'а, вблизи Юнь-нань-Ѣ-фан'я, въ числѣ, судя по свѣдѣніямъ изъ ямыня, шестисотъ пятидесяти палатокъ. Начальникомъ надъ этими тангутами считается Арыкъ-цянь-ху, пожалованный китайскимъ правительствомъ краснымъ шарикомъ.

Изъ приведенныхъ данныхъ о кочевникахъ Куку-нор'а нельзя не придти къ заключенію, что озеро Цокъ-гумбумъ или Куку-норъ фактически перешло во власть тангутовъ, образовавшихъ на его привольныхъ берегахъ тѣсно-сплоченное кольцо. Дѣйствительно, путешествующему по этимъ мѣстамъ европейцу приходится встрѣчаться почти исключительно съ одними угрюмыми тангутами, готовыми при каждомъ удобномъ случаѣ поживиться на счетъ проходящаго каравана. Особенно тяжело въ этомъ отношеніи приходится трусливымъ монголамъ, которые, во избѣжаніе неприятныхъ послѣдствій, стараются проѣзжать по области Куку-нор'а большими партіями, держащими по ночамъ караулы.

На нашъ большой, прекрасно вооруженный караванъ, тангуты всегда смотрѣли съ завистью, а на насъ лично съ какой-то затаенной злобой. Тангутъ далеко не похожъ на остальныхъ обитателей Центральной Азіи, привыкшихъ въ большей или меньшей степени слѣпо повиноваться своимъ завоевателямъ; въ тангутѣ рѣзко обнаруживаются гордость, заносчивость и сознание своего превосходства. Вскормленный и выросшій среди свободной, привольной и дикой обстановки, всегда на конѣ и въ боевой готовности, онъ рано привыкаетъ смотрѣть въ глаза смерти, усваивая привычку одерживать побѣды. Европейецъ же даетъ понять тангуту свое неизмѣримое превосходство, чего эти гордые номады уже не могли не признать со времени появленія сюда такого человѣка, какъ покойный Н. М. Пржевальскій. Такъ или иначе, но каждая послѣдующая европейская экспедиція наводитъ тангутовъ на